

зика, которая, поскольку Философия уделяет ей преимущественное внимание, и называется [Первой] философией. Отсюда явствует, почему и другие науки именуются Философией.

После того как стало ясным, что такое первая и истинная философия – а это и есть та дама, о которой я говорю, – и как по привычке сие благородное имя сообщается другим наукам, я перехожу к ее восхвалению.

ХП.

В первой главе настоящего трактата обсуждение причины, побудившей меня к сочинению этой канцоны, было настолько исчерпывающим, что дальнейшего ее обсуждения больше не требуется, поскольку весьма нетрудно свести его к толкованию, изложенному в предыдущих главах. Потому, придерживаясь сделанного мною деления канцоны на несколько частей и минуя дословное значение, я буду при помощи этого толкования развивать буквальный смысл лишь там, где это понадобится.

Я пишу: «Амор красноречиво говорит...» Под Амором я разумею то старание, которое я прилагал, чтобы приобрести любовь благородной дамы: при этом надо иметь в виду, что старание может в данном случае рассматриваться двояко. Одно старание приводит человека к овладению навыком в искусстве и науке, другое проявляется в использовании приобретенного им навыка. Первое старание я и называю здесь Амором. Это он вызывал в уме моем постоянные, необычные и возвышеннейшие размышления о даме, нами изображенной, как и подобает стремлению к дружбе, которое начинается с размышлений о ее великих благах. Именно это стремление и это расположение обычно предворяют собою в людях зарождение дружбы, когда с одной стороны любовь уже родилась и когда люди желают и добиваются, чтобы она была и с другой; ибо, как уже говорилось, Философия начинается там, где душа и премудрость становятся друзьями и всецело любят друг друга, как о том говорилось выше. Нет нужды вновь обсуждать здесь первую строфу, ибо буквальный смысл ее уже объяснен во вступлении и благодаря этому довольно легко постичь второй ее смысл.

Поэтому надлежит перейти к следующей строфе, которая и есть зачинательница всего рассуждения. Когда я говорю: «Светило, обходя небес простор...» – надо помнить, что, подобно тому как при рассуждении о предмете ощущаемом полезно ссылаться на предмет неоощуемый, так и при рассуждении о предмете недоступном разуму нелишне ссылаться на предмет постижимый разумом. А потому, если при буквальном толковании речь велась о телесном и чувственно воспринимаемом солнце, то теперь надлежит вести рассуждение, имея в виду Солнце духовное и умопостигаемое, которое и есть Бог. Нет во всем мире ни одного ощущаемого предмета, более достойного служить символом Бога, чем Солнце. Оно ощущаемым светом озаряет сначала себя, а затем все небесные тела и тела, состоящие из четырех элементов; так и Бог освещает умственным светом сначала Себя, а затем небесные и другие умопостигаемые создания. Солнце своим теплом оживляет все предметы, и если некоторые из них оно и губит, это не входит в его намерение, но есть действие случайное; так и Бог оживляет все предметы в Своей благодати, и если какой-нибудь из них зол, то это не входит в Божественное намерение, но есть необходимая случайность в ходе задуманного действия. В самом деле, если Бог создал и добрых и злых ангелов, то в Его намерение не входило создавать и тех и других, но одних лишь добрых. Злые ангелы проявили себя позже, причем это не входило в Его намерение, но сие не означает, будто Бог не предвидел их падения; однако Его желание создать духовные существа было настолько сильным, что Бога не должно было и не могло удержать от этого создания предвидение того, что некоторые из них плохо кончат. Ведь Природа не была бы достойна похвалы, если бы, зная заранее, что цветы какого-нибудь дерева частично обречены на гибель, она не производила бы на нем цветов и из-за бесплодных отказалась бы от производства плодоносных. Итак, я утверждаю, что Бог, Который все понимает (Его «вращение» и есть Его «понимание»), нигде не видит столь совершенного творения, как то, которое предстает перед Ним, когда Он смотрит туда, где обретается названная Философия. В самом деле, хотя Бог, созерцая Самого Себя, видит сразу все, тем не менее, поскольку различие вещей – в Нем Самом, подобно тому как действие – в причине, Он отчетливо видит их различия. Таким образом, безусловно, от Него не может укрыться это благороднейшее из всех творений, ибо Он видит его совершеннейшим образом в